

стороны работников правоохранительной системы как актов товаро-ведческой экспертизы, так и справок о стоимости товаров. Несомненно, указанные факты во многом могут быть вызваны и субъективным отношением сотрудника к конкретному материалу или делу. Однако нельзя не учитывать и описанную выше ситуацию, связанную с отсутствием эффективного порядка установления размера имущественного вреда.

УДК 343.125

Т.Л. Щерба

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА

В соответствии со ст. 124 УПК условиями применения залога являются: полное возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, неприменение залога в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких либо особо тяжких насильственных преступлений. Кроме того, можно выделить условие в виде наличия согласия залогодателя передать определенную сумму в депозит органа уголовного преследования или суда. Рассмотрим данные условия в отдельности.

Предусмотренное законом условие полного возмещения имущественного вреда является наиболее дискуссионным среди белорусских процессуалистов. В частности, В. Лагойский, П.В. Мытник, возражая данной позиции законодателя, аргументировали несоответствие этого положения принципу презумпции невиновности. С этим утверждением нельзя не согласиться. Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. А это значит, что задолго до признания подозреваемого, обвиняемого таковым (а это признание может и не состояться) на него возлагается обязанность возмещения вреда.

Кроме того, данное условие представляется нам одним из факторов, тормозящих применение залога на практике. Это обусловлено тем, что подозреваемому, обвиняемому необходимо сначала найти денежные средства для возмещения вреда, причиненного преступлением, а потом еще предоставить сумму залога, что является весьма затруднительным для большинства белорусских граждан. Так, 63 % следователей одной из причин неприменения ими залога назвали отсутствие у подозреваемого, обвиняемого материальной возможности внести залог.

Наряду с этим согласно с п. 4 ч. 1 ст. 89 УПК характер и размер вреда, причиненного преступлением, является обстоятельством, подлежащим доказыванию, поэтому в ряде случаев на момент применения меры пресечения он может быть не установлен. Как показывает практика, в 15 % уголовных дел имущественный вред не был доказан и возмещен до применения залога, что является нарушением обязательного условия применения залога. Этим создается парадоксальная ситуация, при которой следователь провоцируется законом на его нарушение и вынужден либо нарушить закон при применении залога, либо вообще отказаться от применения этой меры пресечения.

В связи с тем что законодательная установка на полное возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, не соответствует принципу презумпции невиновности, создает значительные помехи практической реализации залога, а также в ряде случаев ведет к вынужденному нарушению уголовно-процессуального законодательства, его следует исключить из ч. 1 ст. 124 УПК.

При исследовании условия неприменения залога в отношении лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении тяжких либо особо тяжких насильственных преступлений, принципиально важным является определение понятия «насильственные преступления».

В учебной литературе В.В. Иванова насильственное преступление определяет как запрещенное уголовным законом под угрозой наказания общественно опасное деяние, виновно совершенное лицом посредством использования насилия в целях достижения преступного результата. Ю.М. Антонян под насилием понимает физическое или психическое воздействие на человека, нанесение ему вреда ради собственных интересов или такое воздействие, при котором возможное нанесение вреда игнорируется.

По справедливому утверждению коллектива авторов учебника под редакцией В.Д. Малкова по степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий насильственные преступления во многом превосходят другие криминальные проявления и наносят огромный ущерб обществу. Следовательно, и лица, их совершившие, отличаются повышенной опасностью для общества. Закономерно, что подозреваемый, обвиняемый, который представляет серьезную угрозу общественным интересам, должен быть изолирован от социума. В связи с этим закрепление в ч. 1 ст. 124 УПК рассматриваемого условия направлено прежде всего на то, чтобы не допустить применения залога к подозреваемому, обвиняемому, к которым, по мнению законодателя, должна быть применена мера пресечения, связанная с изоляцией, – заключение под стражу или домашний арест. Мы согласны с такой позицией законодателя в связи с тем, что залог рассматривается нами в

первую очередь как альтернатива заключению под стражу по менее тяжким преступлениям и тяжким ненасильственным преступлениям.

В подтверждение нашей позиции можно отметить, что среди опрошенных нами следователей возможность применения залога в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, рассматривают 5 %, в то время как применять залог по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, согласны 68 %, по менее тяжким – 77 %, по тяжким – 41 % респондентов. За применение залога по всем из указанных категорий преступлений высказались 17 % опрошенных. Всего 12 % указали, что их не устраивает в правовой регламентации залога запрет на его применение в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления. Приведенные данные свидетельствуют о том, что практические работники органов уголовного преследования в большинстве своем не готовы применять залог по особо тяжким преступлениям, в том числе и насильственным, поэтому условие неприменения залога по тяжким и особо тяжким насильственным преступлениям является целесообразным и необходимым.

УДК 343.985.7

Ю.М. Юбко, П.В. Грідюшко

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАРУШЕНИИ АВТОРСКОГО ПРАВА НА КОМПЬЮТЕРНУЮ ПРОГРАММУ

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что органы уголовного преследования нашей страны осуществляют защиту только программного продукта производителей других государств, представительства которых базируются на территории Республики Беларусь. Наиболее ярким примером является бухгалтерская программа «1С» (производитель – компания Российской Федерации, расположенная в Москве). В Республике Беларусь имеется ряд ее представительств, действующих на основании доверенности. Они защищают на территории Республики Беларусь ее интересы как правообладателя.

С момента поступления от них заявления (сообщения) о распространении контрафактного программного продукта под маркой их производителя оперативный работник приступает к проверке имеющейся в нем информации и начинает собирать доказательства в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 173 УПК, подтверждающие наличие оснований к возбуждению уголовного дела. Ключевым источником доказательственной информации является заключение эксперта, в выводах которого должен быть дан ответ на вопрос: «Является ли пред-

ставленный на исследование программный продукт контрафактным?». Только при наличии такого категоричного вывода, а также при соблюдении ряда других требований (в частности требований уголовного закона) по результатам проверки может быть принято решение о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 201 УК Республики Беларусь.

После проведения осмотра и изъятия компьютерной техники (винчестера), на которой установлен программный продукт, имеющий по субъективному мнению оперативного работника признаки «контрафактности», он обязан в ходе проверки назначить экспертизу для того, чтобы эксперт установил, действительно ли на ней установлена программа, являющаяся контрафактной. В этой связи закономерно возникает вопрос: «Кому поручить производство компьютерно-технической экспертизы?». Согласно требованиям ст. 230, 231 УПК она может быть проведена как в экспертном, так и вне экспертного учреждения. Анализ практики свидетельствует, что оперативные работники МВД Республики Беларусь назначают экспертизы всегда в ГЭКЦ МВД. Вместе с тем представляется, что согласно букве закона данная экспертиза может быть проведена и вне экспертного учреждения, ее производство может быть поручено компетентному специалисту в области программного обеспечения согласно требованиям ст. 231 УПК.

Может ли данная экспертиза проводиться специалистами представительства правообладателя, которое обратилось с заявлением о распространении контрафактных программ или другого представительства, так как у них имеются копии лицензионных программ и их сотрудники имеют реальную возможность установления идентификационного тождества или отсутствия такового между программными продуктами? Представляется, что с просьбой о производстве экспертизы в данные представительства обращаться не следует, так как в ходе производства предварительного следствия защитник, представляющий интересы обвиняемого, будет заявлять ходатайства, констатируя заинтересованность должностных лиц данного представительства, и тем самым предпримет попытку поставить под сомнение заключение эксперта, которое подготовят их специалисты.

Следственная практика знает прецеденты, когда в поле зрения органов уголовного преследования Республики Беларусь попадали десятки учреждений и организаций, на компьютерной технике которых был установлен контрафактный программный продукт и в ходе производства расследования в дальнейшем по уголовному делу эти эпизоды были доказаны. Как следует поступать в таких случаях, когда нелегальные программы установлены на машинных носителях нескольких предприятий? Надо ли назначать компьютерно-техническую эксперти-